

ГЛАВА ПЕРВАЯ

СТАРИННАЯ ШКАТУЛКА

Неказистая шкатулка заинтересовала антиквара больше, чем лежавшие в ней драгоценности. Он провёл пальцем по шероховатому торцу, осмотрел узоры лакированной крышки, будто мог с ходу прочесть их историю, и чуть приметно кивнул собственным мыслям. Настя рассеянно проследила за его движениями. Посетителей в новоарбатской «Изиде» собралось немного: две женщины возле застеклённого шкафа с механическими куклами да мужчина возле коллекции портсигаров, — и антиквара никто не поторапливал.

— У вас есть заключение геммолога? — спросил он и тут же добавил: — Садитесь.

— Геммолога? — Настя растерянно взглянула на предложенный ей стул. — Не знаю... Нет, наверное.

— Значит, нет.

— Это плохо?

— Обычно к нам приходят с заключением.

— А что... Зачем оно? У меня есть завещание, и в нём упомянуты драгоценности, если вы об этом.

— Нет. — Антиквар качнул головой и вновь сосредоточился на шкатулке.

Шустов. Так он представился. Ему было лет тридцать. Каштановые волосы расчёсаны и смазаны матовым воском. Скулы и подбородок — выраженные, нос — чистый и прямой. У Насти было

достаточно времени рассмотреть гладко выбритое лицо антиквара, его крепкую шею и чёрную, застёгнутую на все пуговицы рубашку. Обручального кольца нет.

Настя продолжала стоять. Между тем молчание Шустова затягивалось. Пора бы обратить внимание на старинные серьги, брошки и кулоны! Да хоть на браслет с золотыми вензелями, с серпом и молотом на пробе — бабушка им особенно дорожила.

— Откуда она? — Антиквар отложил шкатулку.

— Я же говорю, у меня умерла бабушка, и...

— Откуда она у вашей бабушки?

— От дедушки. А он привёз из Хургады. Это в Египте. На берегу... Ну, вы, наверное, знаете.

— Знаю, — мягко ответил Шустов.

Насте нравились его зелёные, с коричневыми крапинками глаза. Их взгляд успокаивал и мог бы очаровать в каминном полумраке ресторана. «Обручальное кольцо хорошо бы смотрелось на его руке». Мысль неуместная, как и стоявшая на столе антиквара искусственная ёлочка с броскими игрушками и разноцветно-праздничной надписью «2001». С Нового года прошло два месяца. Настя не удивилась бы, узнав, что ёлочка простоит здесь до лета.

— Мой дедушка... Он был моряком.

Настя, вздохнув, опустилась на стул. Быстро избавиться от драгоценностей не получилось.

— Служил механиком на тральщике. Где-то в семидесятых попал в Хургаду.

Дедушка часто рассказывал эту историю — всякий раз, как семье удавалось собраться у него в Малаховке. Её детали менялись от будничных до нелепо фантастических, но общие черты оставались неизменными. После очередной арабо-израильской войны требовалось разминировать Суэцкий канал, и Египет запросил помощь у советских кораблей. Им выделили пролив Губаль, где и оказался Давид Альтенберг, Настин дедушка. О поиске и подрыве мин Давид Соломонович вспоминал редко, предпочитал описывать сорокаградусную

жару, песчаные бури и беспокойный рейд Хургады. Поставки продуктов и воды были ограничены, моряки выкручивались самостоятельно.

— И мылись они по команде. — Настя скользнула взглядом по стеллажу с потемневшими иконами. — Дедушка сравнивал поход в баню с торпедной атакой. Залетел — вылетел. Ну, вы понимаете, сэкономили воду.

— Понимаю.

— Простите, я зря всё это говорю...

Шустов не стал её разубеждать, и Настя поторопилась закончить:

— В Хургаде после войны... Там была нищета, голод. Дедушка по городу толком не ходил, но с местными рыбаками сталкивался. Ну они и менялись чем могли. За бинты или тушёнку давали морякам украшения, старинные книги... А дедушка вот получил шкатулку. Чья-нибудь семейная реликвия.

— Что-нибудь ещё? — спросил Шустов.

— Ещё дедушка говорил, что в Суэцком канале приходилось поднимать затонувшие корабли, они...

— О шкатулке.

— Нет, о шкатулке больше ничего.

Шустов, явно разочарованный ответом, наконец удосужился взглянуть на бабушкины драгоценности.

В тишине антикварного магазина было слышно, как гудят люминесцентные лампы низкого потолка, как шепчутся женщины, перекочевавшие от механических кукол к фарфоровым статуэткам. Настя различила новостной голос радио, доносившийся из-за стены. Ведущий сообщал о предстоящем затоплении орбитальной станции «Мир» и американском чартерном рейсе, пассажиры которого смогут вживую наблюдать за падением космических обломков.

— Это искусственный александрит. — Настя оживилась, увидев в руках Шустова одну из бабушкиных серёжек. — А это... не знаю.

— Топаз. — Шустов осмотрел увесистую брошь. — Или дымчатый кварц. Оправа золотая. Пятьсот восемьдесят третья проба.

— Хорошо, — кивнула Настя.

В магазине приятно пахло полиролью и старым деревом, но драгоценности вызывали в памяти удушающе приторный запах бабушкиных духов. Бабушка умерла осенью. Настя не общалась с ней пять или шесть лет. Не думала, что когда-нибудь вновь зайдёт в малаховский дом. С того дня, как скончался дедушка, бабушка разругалась со всеми родственниками, но завешание написала на свою дочь, Настину маму. Мама заниматься наследством не захотела и разобратся с ним поручила Насте — заполучив шкатулку, та отправилась в «Изиду», её не остановили даже пробки после вчерашнего снегопада и минусовая температура. Март начался прохладный, хотя в Москве обещали потепление.

— Сколько вы хотите за шкатулку? — спросил Шустов.

— Шкатулку? Не знаю... А сколько она стоит?

Шустов осматривал кулон с тремя зеленоватыми камнями, делал пометки в блокноте и в остальном вёл себя так, будто не услышал обращённых к нему слов. Настя уже хотела повторить вопрос, когда возле стола появился другой работник магазина — ровесник Шустова, полноватый и с наметившейся лысиной.

— Серж, там Катя звонит.

Шустов молча кивнул. Затем сказал Насте, что захватит с собой шкатулку.

— Хочу кое-что проверить.

— Да, пожалуйста... Конечно.

«Значит, есть *Катя*. Печально. Всегда есть какая-нибудь Катя».

Полноватый коллега Шустова сменил его за столом. Закатав рукава полосатой рубашки, кратко расспросил Настю о лежавших перед ним драгоценностях, платком обтёр лоб и принялся с хозяйской важностью перебирать сгруженные возле пузатого монитора папки.

Обеспокоенная плохим предчувствием, Настя поднялась со стула. Не могла спокойно сидеть. Шкатулка — единственное, что она хотела сохранить из наследства. Как память о бабушке и дедушке. Печальную, полную разочарований и слёз, но всё-таки память. Настя

считала, что шкатулка не привлечёт внимания антиквара, надеялась лишь на продажу драгоценностей, а теперь Шустов унёс её в дальний угол торгового зала и вместе с ней скрылся за тёмно-вишнёвой, сливавшейся со стенными панелями дверью.

«Хочу кое-что проверить. Что там проверять?»

Малаховский участок Настя выставила на продажу. Жалкие шесть соток были застроены несуразными теплицами, а где не застроены — утыканы арматурой и примяты бетонными кольцами от начатого колодца. Напротив калитки — двухэтажная громадина жилого дома с каркасно-засыпными покоробившимися стенами. Вчера Настя с грустью шла по некогда родным комнатам с однообразными коврами, напольными и настенными, клеёнками и древесно-стружечными сервантами. Если бы не шкатулка, упомянутая в завещании, Настя вообще не приехала бы в Малаховку. К счастью, дом стоял на второй линии, в семи минутах от станции, и в посёлке Настя пробыла не дольше часа. Убедилась, что запасные ключи по-прежнему лежат под козырьком, проверила насос в септике и газовый котёл, после чего достала из бабушкиного тайника шкатулку и вернулась на станцию. Тем же вечером просмотрела список ломбардов, ювелирных и антикварных магазинов. Выбрала «Изиду» — единственное знакомое название. Настя читала о выставленных в её витринах африканских масках; владельцы магазина собственноручно раздобыли их в Сомали или в какой-то ещё африканской глуши.

Интересно, Шустов тоже побывал в той экспедиции? И где же маски? В надежде развеять тревогу Настя прогулялась между застеклёнными шкафами, задержалась возле группы бронзовых бюстов, прислушалась к шёпоту женщин, выбиравших подарок общей подруге, а вскоре увидела, что Шустов возвращается, и поспешила ему навстречу.

— Всё в порядке? — полноватый коллега уступил антиквару место за столом.

— Что?

— Я так понял, у Кати что-то с ребёнком.

«Ещё и ребёнок».

— Катя... — Шустов вздохнул. — Скажи, я перезвоню.

— Ты...

— Да, я забыл. Трубка лежит.

— Ну ты хохмач.

Шустов проигнорировал напарника. Поставил перед собой шка-
тулку и уставился на неё в задумчивости, будто увидел впервые.
Настя, чувствуя, как волнение усилилось, села на стул.

— Ну как? — спросила она, ногтями постукивая по краешку сто-
лешницы. — *Кое-что проверили?*

— Что? Да. Да, проверил.

Шустов выпрямился и посмотрел на Настю.

Шкатулка заурядная. Старинная, по-своему необычная и всё же
заурядная. Сантиметров двадцать в ширину и глубину. Высотой сан-
тиметров пятнадцать. С откидной крышкой, некогда замыкавшейся
на два замочка, сейчас утраченные и заменённые обыкновенными
застёжками. По крышке шла скучная резьба из банальных завит-
ков. Никакой инкрустации или гнёзд, где она могла бы крепиться.
Единственной особенностью шкатулки были громоздкие выступы —
округлые набалдашники, прикреплённые к боковым стенкам изну-
три и снаружи — так, словно в стенках застряли приплюснутые
шары, каждый диаметром почти во всю высоту стенки. Ни красоты,
ни удобства в них не было. Изнутри они вообще мешали равномер-
но заполнять шкатулку, как мешал этому и квадратный нарост на дне,
больше похожий на своеобразное крепление. Наверное, шкатулку
прежде использовали вместо подставки. Но подставки для чего?
Настя спросила об этом Шустова. В ответ он пожал плечами.

Наружный выступ левой стенки был украшен вырезанными бук-
вами «ВН» с подобием растительных узоров внутри букв, а на вы-
ступе справа читалось простенькое «Tolle. Lege», которое Настя
вчера перевела с латыни как «Возьми. Читай». Слова имели отно-
шение к святому Августину — Настя обнаружила отсылку к ним
на одном богословском сайте, однако вникать в прочитанное не стала.

— «Вэ-Эн». То есть «Би-Эйч» или... Думаете, эти буквы что-то значат? — Настя с надеждой посмотрела на Шустова.

— Возможно.

Не самый исчерпывающий ответ.

Из-за шкатулки антиквар забыл о жене. Если Катя его жена. Почему тогда он не носит кольцо? И забыл о ребёнке. Что за странное обращение — «ребёнок»? Почему не сказать «сын» или «дочка»? Какая ерунда лезет в голову, когда нужно сосредоточиться! Настя хотела бы узнать, что Шустов делал со шкатулкой за той тёмновишнёвой дверью, но зачем-то спросила:

— У вас дочка?

— Сын. — Вопрос его не смутил.

— Рада за вас. Маленький?

— Два года.

— Да... С детьми поначалу трудно.

Настя покраснела от неуместности начатого разговора, а Шустов достал несколько бланков и попросил их заполнить. От прежней молчаливости не осталось и следа. Антиквар говорил неспешно, с вежливыми паузами, не давал Насте отвлекаться. Его голос убаюкивал, и нервозность отступила.

— Мы возьмём драгоценности вашей бабушки на реализацию. Отправим их на геммологическую экспертизу. В лаборатории определят, какие здесь камни: их огранку, чистоту, размер. Попробуем установить их происхождение. Так проще продать. По каждому предмету получим сертификат, а на самые любопытные оформим антикварный паспорт. Что-то доверим друзьям из ювелирки, остальное продадим сами.

Настя кивала, попутно заполняла бланки: сверялась с образцами и вносила записи в пустые поля. Формальности только начались. Предстояло составить описание каждого украшения в отдельности, взвесить их и сфотографировать. На помощь Шустову пришёл его полноватый коллега, а другими посетителями занялся третий сотрудник «Изиды» — худощавый мужчина с вытянутым лицом, которого Шустов назвал Костей.

Прошло два часа, прежде чем последний подписанный листок лёг в общую папку с хлопковыми завязками. О шкатулке все забыли. Разумеется, подобной безделицей заниматься нет смысла. Настя ждала, что ей назначат новую встречу и укажут на дверь. Расстегнула сумку, готовясь уложить туда шкатулку, но Шустов её перехватил — напугал Настю своей порывистостью. Шкатулку, в отличие от драгоценностей, антиквар собирался выкупить здесь и сейчас.

— Но... Она ведь... В ней ничего особенного. Семейная реликвия для того рыбака из Хургады, а теперь и для меня...

— Шкатулку я возьму в личную коллекцию. Перепродать её сложно, вы правы. А я такие поделки собираю.

— Думаете, она старинная? Ну, совсем старая или не очень?

Настя хотела выиграть время, обдумать происходящее, но Шустов ей не позволил. Назвал цену. Настя окончательно растерялась. На такие деньги она не рассчитывала. Напарник антиквара немедленно подсунул ей договор — когда только успел его подготовить? — и убедился, что она поставила необходимые подписи.

— Вы уверены, что ваш дедушка приобрёл шкатулку именно в Хургаде? — протянув конверт с деньгами, уточнил Шустов.

— Трудно сказать, — призналась Настя. — Дедушка выпивал... Иногда путался, но Хургаду упоминал часто.

— А на Филиппины ваш дедушка ходил?

— На Филиппины? Не знаю. Вряд ли. А что?

— Просто интересуюсь.

Шустов, не прощаясь, ушёл и прихватил с собой полноватого коллегу. Тот на ходу перетянул к себе шкатулку и принялся о чём-то живо говорить. Вместо них с Настей распрощался улыбчивый Костя.

Минутой позже Настя вышла из натопленного помещения на заснеженный тротуар одного из переулков Нового Арбата. Накинула капюшон болоньевой куртки и застегнула ворот. Пухлый конверт с деньгами во внутреннем кармане поддавливал грудь, однако Настя чувствовала себя обманутой. Она будто упустила нечто важное и, возможно, более ценное, чем прозаичная память о нелюбимой бабушке.

«Tolle. Lege». «Возьми. Читай».

Настя в последний раз взглянула на жёлто-белый доходный дом девятнадцатого века, первый этаж которого занимала «Изида». Рассеянно посмотрела на восстановленную лепнину фасада, на кованое крыльцо с вывеской антикварного магазина, на жалюзи в окнах второго этажа — и зашагала прочь, к припаркованной в соседнем дворе машине. О шкатулке решила не вспоминать, а вырученные за неё деньги сразу передать маме.